

ОБОРОНА ОДЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ЧАСТЬ 1.

„Уклоняйся от зла и делай добро;
ищи мира и следуй за ним”
(Пс.33:15)

„Нечестивые обнажают меч, ...
чтобы пронзить идущих прямым путем.
Меч их войдет в их же сердце...”
(Пс.36:14–15)

Одесщина, как и другие украинские регионы, оказалась втянутой в водоворот Второй мировой войны значительно раньше памятной даты 22 июня 1941 года.

Как и в годы первой мировой войны (1914–1918), и на этот раз украинские земли снова оказались в эпицентре основных событий. 1 сентября 1939 года, в тот день, когда вооруженные силы нацистской Германии начали агрессию против Польши, в войну автоматически оказалась втянутой и та часть этнических украинцев, которая проживала на территории суверенного польского государства. 17 сентября 1939 года советские войска вступили на западноукраинские земли, входившие тогда в состав Польши. В тот день, фактически, вступила в войну и Украинская ССР, которая была составной частью Советского Союза. Безусловно, в этот же ряд выстраиваются и события по присоединению к СССР Бессарабии и Северной Буковины летом 1940 года. Так украинский народ, входивший в состав разных государств, помимо собственной воли, окончательно стал участником Второй мировой войны (хотя главные испытания были для него еще впереди). Какая-то часть украинского населения с радостью и цветами встречала перемены, кто-то выжидал, кто-то попал в железный механизм репрессивной сталинской системы, многие были депортированы. Собственно говоря, этот сценарий к тому времени был уже хорошо отработан в центральных и восточных украинских регионах (только с гораздо более трагичными и масштабными последствиями). Но парадокс и правда истории заключается в том, что хотя вожди двух тоталитарных режимов в тот момент вынашивали какие угодно планы, но только не планы соборизации всех украинских земель с целью придания им суверенности, однако именно с тех событий осени 1939 года начался путь к Соборной Украине. Об этом совершенно недвусмысленно и прямо заявил в письме к Сталину митрополит Андрей Шептицкий в 1944 году в связи с освобождением Львова: „...Вы воссоединили Великую Украину, осуществив многовековую мечту украинского народа”¹.

Что касается Одесщины, то совершенно очевидным является тот факт, что на жизни этого приграничного региона не могли не сказаться перемены в политике европейских держав накануне Второй мировой войны. Уже в марте 1938 года, в условиях резкого обострения международной обстановки, после аншлуса Германией Австрии было очевидно, что следует ждать перемены и во внешнеполитическом курсе советского руководства. Высшее советское военное командование в конце июня этого года принимает решение о создании вдоль западных границ СССР особых военных округов в составе четырех армейских групп. Крупнейшей армейской группой стала Одесская, куда, таким образом, вошли все части и соединения, дислоцированные на территории Одесской и Николаевской областей Украины и Молдавской АССР².

Знаковым было сотрудничество в Мюнхенском стоворе 30 сентября 1938 года как сил агрессивных диктаторских режимов Германии и Италии, так и стран западных демократий – Англии и Франции (США фактически поддержали мюнхенскую сделку). В обмен Гитлер подписал с правительствами Англии и Франции (в сентябре и декабре 1938 года соответственно) декларации, которые историки правомерно рассматривают как пакты о ненападении³. Результатом был крах системы коллективной безопасности, с таким трудом созданной в Европе. Советский Союз в который раз оказался в международной изоляции и в Москве сделали единственно возможным вывод о том, что мюнхенское соглашение направлено против СССР и является прямой военной угрозой стране. Довольно скоро и англо-французские политики поняли, что мюнхенское соглашение не гарантирует безопасность для их стран, что Гитлер начал борьбу за гегемонию нацистской Германии в Европе. Не случайно военные историки на Западе сегодня говорят о правомерности постановки вопроса о раздвижении хронологических рамок начального этапа Второй мировой войны.

Уже 3 апреля 1939 года в тайном приказе Гитлера была определена дата нападения на Польшу – 1 сентября 1939 года. Советский Союз не мог допустить, чтобы германские войска, наступая в восточном направлении, получили возможность беспрепятственно приблизиться к его жизненно важным центрам: к крупнейшим городам страны – Ленинграду, Киеву, Одессе, Минску. Тем не менее, еще вплоть до 20-х чисел августа 1939 года ситуация могла измениться в пользу создания варианта антигитлеровской коалиции. Однако 20 августа глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк сообщил из Москвы, где велись переговоры, в Париж: „Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позицию“⁴. Как мы знаем – этого не случилось.

Сохранилось весьма важное свидетельство рейхсминистра военной промышленности Германии Альберта Шпеера: «Примерно в начале августа 1939 г. мы беззаботной кампанией вместе с Гитлером отправились в „Орлиное гнездо“. Гитлер неожиданно произнес, ни к кому не обращаясь: „...скоро случится что-то необычайно важное... Я все ставлю на эту карту“. Всего через три недели, 21 августа, мы узнали о том, что министр иностранных дел Германии ведет в Москве какие-то переговоры. За ужином Гитлеру вручили депешу. Он просмотрел ее, на несколько секунд уставился в пространство, побагровел, хлопнул по столу с такой силой, что задрезжали бокалы, и срывающимся голосом вскричал: „Они у меня в кулаке! в кулаке!“». И еще один, весьма знаменательный, эпизод из мемуаров Шпеера: «Гитлер пригласил гостей к себе: „Мы заключаем с Россией договор о ненападении. Вот читайте. Это телеграмма от Сталина...“ В телеграмме, на листочке бумаги, были объединены в дружеском союзе имена Сталина и Гитлера. ...Ночью мы с Гитлером вышли на террасу его резиденции в Бергхоффе. Нашим глазам открылось редкостное зрелище. Расположенный напротив горный массив ...был залит необыкновенным багровым заревом. Горы горели ярким пламенем, а небо над ними переливалось различными цветами радуги. Заключительная сцена в „Сумерках богов“ не могла бы выглядеть более эффектно. Руки и лица у всех присутствующих были неестественно красного цвета. Открывшееся нам зрелище вызвало у всех необычайное настроение. Все глубоко задумались. Обратившись к одному из своих военных адъютантов, Гитлер неожиданно сказал: „Это похоже на большое кровопролитие“»⁵.

Советское партийное и военное руководство, было менее всего склонно к мистическим аллегориям, тем не менее, и оно испытывало схожие чувства. Приходилось спешить. Спешка порождала ошибки и просчеты. Но главное виделось все отчетливее: это неизбежность столкновения с фашистской Германией. И страна, как могла, готовилась к этому неизбежному...

Начало второй мировой войны резко изменило геополитическую и военно-стратегическую обстановку в Европе. Несмотря на вынужденное (со стороны Москвы)

заключение советско-германского пакта „Риббентроп-Молотов“ было ясно: избежать вооруженного столкновения между СССР и Германией все же не удастся. Главным теперь становился вопрос времени...

В новых внешнеполитических условиях, а также в связи с усложнением оперативного управления войсками Киевского Особого военного округа после вхождения Западной Украины в состав СССР, решением ЦК ВКП (б) и Советского правительства от 11 октября 1939 года был вновь сформирован Одесский военный округ с местом дислокации его штаба и управлений в Одессе. Границы округа охватывали территории Одесской, Николаевской, Херсонской, Кировоградской, Днепропетровской, Запорожской областей Украины, а также Молдавской и Крымской АССР. В числе частей и соединений, которыми был укомплектован Одесский военный округ, находились знаменитые еще со времен Гражданской войны дивизии: 15-я Сивашская, 51-я Перекопская, первым командиром которой был В. К. Блюхер (в составе дивизии против Врангеля сражались К. С. Москаленко, Л. А. Говоров, Ф. И. Голиков – впоследствии советские маршалы), 30-я Иркутско-Чонгарская, 25-я Чапаевская, 9-я Крымская кавалерийская (в 1921 г. ею командовал Г. И. Котовский) и др.

Первые военные успехи вермахта вызвали резкое усиление прогерманских настроений в Румынии. Некоторые историки пишут, что якобы И. Антонеску узнал о готовящейся войне против Советского Союза и дал согласие на участие в ней всего лишь за десять дней до ее начала – 11 июня 1941 года.

Правда истории заключается в том, что общественно-политические процессы, геополитические устремления, реваншистские и колониальные настроения, культивируемые в румынском обществе еще со второй половины XIX столетия и окончательно возобладавшие во второй половине 30-х годов, со всей неумолимостью толкали страну в объятия стран фашистского блока, а следовательно, делали неизбежным участие Румынии в войне против СССР и оккупацию ею украинских территорий. Особенно активизировалась антисоветская деятельность в Румынии после 17 сентября 1939 года, хотя в этот день Москва и объявила о своем решении проводить политику нейтралитета в отношении Бухареста. Война СССР с Финляндией и ее последствия также сыграли на руку антисоветским кругам в Румынии. Хроника событий апреля–мая 1940 года со всей наглядностью свидетельствует о стремительном сближении внешнеполитических курсов Бухареста и Берлина, особенно с мая 1940 года, когда вермахт добился крупных военных успехов на Западе. Именно 10 мая началось крупное немецкое наступление на Западном фронте, которое по силе, размаху, военному искусству и достигнутым результатам, без преувеличения, поразило мир. Европа застыла в оцепенении перед беспримерной по наглости и цинизму агрессией: в апреле Германия оккупировала Данию и Норвегию, затем пришел черед Голландии, Бельгии и Люксембурга. И вот 14 июня немцы вступили в Париж. Через 40 дней после начала наступления Франция капитулировала. Английский экспедиционный корпус, бросив оружие, едва успел переправиться через Ла-Манш.

Именно в эти дни завершился процесс превращения Румынии в фашистское государство (21 июня румынский король Кароль II создал „Партию нации“ и сам же ее возглавил) и, тем самым, был предопределен окончательный переход страны в лагерь Германии. Стало ясно, что именно румынская территория в перспективе послужит плацдармом для реализации планов гитлеровской агрессии, как на Балканах, так и во всей Юго-Восточной Европе. В этих условиях Советский Союз не мог допустить появления немецких войск в непосредственной близости от таких жизненно важных промышленных и политических центров как Одесса. Придерживаясь уже апробированной тактики укрепления границ путем их отдаления от жизненно важных центров страны, советское правительство 26 июня 1940 года потребовало от Румынии

мирного решения вопроса о возвращении Бессарабии и Северной Буковины, связанной „с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, [так] и общностью языка и национального состава“. Не получив определенного ответа на первую ноту, 27 июня Москва направила Бухаресту вторую, в которой потребовала в четырехдневный срок, начиная с 14-00 28.06, вывести свои войска из Бессарабии. 28 июня новый состав румынского правительства принял решение (по совету из Берлина, Рима и стран Балканской Антанты) согласиться с требованиями Москвы. В этот же день последовало Сообщение ТАСС, в котором говорилось: „Сегодня, в два часа дня советские войска перешли румынскую границу на всем протяжении Северной Буковины и Бессарабии. Продвижение советских войск происходит планомерно и в полном порядке без каких-либо инцидентов“. Для осуществления этого похода на базе войск Одесского военного округа была сформирована Южная группа войск во главе с командующим Г. К. Жуковым; членом Военного совета, армейским комиссаром второго ранга В. Н. Борисовым; начальником штаба, генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным. Костяком Южной группы войск стала 9-я армия (командующий – командарм второго ранга И. В. Болдин), большая часть соединений которой в апреле-мае 1940 года вернулась в состав Одесского округа с финского фронта. К 23 часам 28 июня передовые части 15-й Сивашской дивизии 9-й армии вступили в Кишинев. Воинов 25-й Чапаевской дивизии тепло и радостно встречали жители Татарбунар. Жители Леово и Кагула встречали хлебом и солью бойцов 9-й кавалерийской дивизии. Уже 29 июня войска Южной группы вышли к новой границе по Пруту и Дунаю, а к 3 июля прочно закрыли ее. По мере продвижения войск к границе советское командование энергичными мерами предотвращало вывоз предназначенного для эвакуации имущества. Однако отдельные представители румынских властных структур были озабочены не только лишь собственной эвакуацией. Как отмечалось в письме советских уполномоченных от 7 июля 1940 года к своим румынским коллегам по общей комиссии, работавшей в это время в Одессе, имели место совершенно недопустимые инциденты: так, „1 июля между Буденцем и Чудиным неизвестный майор, командир одной из румынских военных частей расстрелял семь особ из числа гражданского населения за то, что они вышли встречать Красную Армию“. В румынской армии служило много бессарабцев, которые не желали отправляться в Регат (Старое Королевство). В условиях хорошо налаженной советской пропаганды целые подразделения бросали оружие и расходились по домам. Вот только некоторые примеры: 12-я пехотная дивизия (эвакуировалась из района Ново-Каушан и состояла в основном из бессарабцев) перестала существовать как воинское соединение, 4-й полк третьей пехотной дивизии (из-под Аккермана) в полном составе сложил оружие, из состава 15-й пехотной дивизии (отступала из-под Бендер) по домам разошлось почти 3 тыс. солдат и т. д. и т. п. Командование сурово расправлялось с солдатами-бессарабцами, – вплоть до расстрела, но остановить поток дезертирства не могло.

Весьма активно и с нетерпением дожидалось прихода советских войск еврейское население Бессарабии и Северной Буковины. Случались даже стычки евреев с отдельными воинскими подразделениями, естественно – с кровавым исходом. Дело дошло до того, что 2 июля 1940 года Румынский Генштаб вынужден был издать приказ, которым настоятельно требовал от румынских офицеров принять меры к предотвращению враждебных выступлений в отношении евреев со стороны солдат и младшего командного состава, мотивируя это требование тем, что подобные инциденты „могут иметь неблагоприятные последствия в нынешних условиях“. Были отдельные случаи нарушения воинской дисциплины и среди бойцов и младших командиров РККА (проявлялись, в основном, в дезертирстве, пьянстве и „террористических угрозах“ в адрес советского начальствующего состава)⁶.

2 августа 1940 года Верховный Совет СССР принял Закон об образовании союзной Молдавской ССР. Районы Северной Буковины, а также Хотинского, Аккерманского и Измаильского уездов Бессарабии с преобладающим украинским населением были включены в состав Украинской ССР.

7 августа 1940 года на базе Северной Буковины и Хотинского уезда Бессарабии была создана Черновицкая область, а на базе Аккерманского и Измаильского уездов - Аккерманская 7 декабря 1940 г. вместо нее была создана Измаильская область УССР.

С новыми территориями советскими гражданами стали 3 млн. 776 тыс. чел., в том числе - 53,49 % румын (согласно румынской статистике румынами считаются и молдоване), 15,5 % украинцев, 10,34 % русских, 7,27 % евреев, 4,9 % болгар, 3,31 % немцев и др.⁷

Вместе с тем, несомненным является и то, что вхождение украинских этнолингвистических территорий Бессарабии и Северной Буковины в состав советской Украины окончательно предопределило переход Румынии в лагерь союзников гитлеровской Германии.

В начале сентября 1940 года в Румынии произошел государственный переворот: лидеры „исторических” партий списали все свои внутри- и внешнеполитические провалы за счет Кароля II, вынудили его отречься от престола и покинуть страну. 6 сентября 1940 года королем Румынии был объявлен 19-летний сын Кароля II - Михай. За два дня до этого была отменена конституция государства 1938 года, распущен парламент. Таким образом - единовластным правителем румынского государства (кондукэтором) стал дивизионный генерал Ион Антонеску⁸.

Приход к власти нового правительства генерала Иона Антонеску знаменовал начало открытой подготовки Румынии к агрессии против СССР. В первый же день своего правления Антонеску сообщил посланнику Гитлера в Бухаресте Фабрициусу о „желании тесного сотрудничества с Германией”, о согласии на присылку военной миссии, о готовности выполнить решения венского „арбитража” и увеличить поставки немцам необходимых товаров. 15 сентября 1940 года в Бухарест прибыл 4-й обер-квартирмейстер генштаба сухопутных сил вермахта генерал К. Типпельскирх, чтобы вести переговоры о размещении немецких войск в Румынии. Ссылаясь, как обычно, на „русскую угрозу”, Антонеску принялся настаивать на быстрой отправке в Румынию моторизованных и военно-воздушных сил, а также военного снаряжения для румынской армии. По этому поводу, начальник генштаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер записал 18 сентября 1940 года в своем дневнике: „Разговор по телефону с Типпельскирхом, который вернулся из Румынии. Типпельскирх привез письменное предложение Антонеску, которым предлагает перебросить в Румынию необходимое количество немецких войск для помощи румынской армии в ее боевой подготовке и реорганизации... В целях реорганизации и вооружения румынской армии на основе боевого опыта германской армии будет создана военная миссия с несколькими экспертами. Эта миссия будет работать во взаимодействии с [румынским] генеральным штабом”. Эта запись Гальдера заканчивается фразой хорошо иллюстрирующей цель немецкой „помощи”: „Вопрос о взаимодействии в случае войны также должен быть согласован совместно”⁹. 20 сентября Гальдер вновь возвращается к румынской тематике: „Во второй половине дня прибыл фон Типпельскирх и доложил о *положении в Румынии*. ...Антонеску теперь принимает меры к усилению обороны в пограничных с Россией областях. Фюрер также склоняется к тому, чтобы направить наши „учебные” [кавычки Гальдера. - В. Ш.] части в румынские пограничные области, ограничившись созданием в районе нефтепромыслов лишь системы ПВО. Окончательное решение - в директиве ОКВ [Верховного главнокомандования. - В. Ш.]”¹⁰. Ждать пришлось недолго. Данная директива увидела свет в тот же день: на основе указаний Гитлера ОКВ подготовило доклад-директиву (за

подписью Кейтеля) о задачах немецкой военной миссии в Румынии. Содержание документа (предлагалось держать в строжайшей тайне) сводилось к определению цели, для которой проводилась реорганизация и обучение румынской армии, направлялась военная миссия в Бухарест и т. д. Целью этой было совместное выступление „в случае войны с Советским Союзом“¹¹.

Таким образом, уже в сентябре 1940 года (что, кстати, отмечал на Нюрнбергском процессе и фельдмаршал Ф. Паулюс) „предусматривалось использование румынской территории в качестве плацдарма для наступления правой, т. е. южной, группировки германских войск“¹². Во второй декаде октября 1940 года, в Румынию под видом военной миссии прибыли моторизованные и бронетанковые войска под командованием генерала Э. Ганзена и немецкие военно-воздушные части под командованием генерала В. Шпейделя. Гитлеровские „инструкторы“, численностью до 25 тыс., заняли наиболее важные стратегические пункты страны, в том числе – нефтеносный район вокруг Плоешти. Вместе с тем, гитлеровцы явно стремились, чтобы ввод их войск в Румынию, являвшийся явным нарушением советско-германского договора о ненападении, прошел как можно более незамеченным. Немецкому послу в Москве Шуленбургу было предложено найти повод для ненавязчиво поданной информации для советского руководства, относительно „истинных“ целей посылки немецкой военной миссии в Румынию: защита нефтеносного района от Англии (!).

Более того, совсем уж не считаясь с Москвой, и ставя на первое, по важности для себя, место, мнение мирового сообщества, геббельсовская пропаганда дошла до того, что через прессу оккупированных Германией стран распространяла слухи о том, что СССР, якобы, был информирован о целях и количестве немецких войск, направленных в Румынию. Этим, также, достигалось впечатление, для неискушенного читателя, о трогательном единстве действий дружественных Германии и Советского Союза (ход, рассчитанный на общественное мнение стран западной демократии). Советскому правительству ничего не оставалось, как опровергать эти провокационные сообщения и раскрывать антисоветский характер ввода гитлеровских войск в Румынию¹³.

В условиях, когда маски, практически, были сорваны, немецкая дипломатия идет на еще один маневр (с большой долей вероятности – заранее зная результат). В ноябре 1940 года советской делегации на переговорах в Берлине было предложено присоединиться к державам Оси (Германии, Италии и Японии). Советский Союз отказался участвовать в этой аванюре¹⁴. Безусловно, с немецкой стороны это был хитрый политический маневр, имевший целью прикрыть и оправдать более важные и долговременные ходы, в частности, событие 23 ноября 1940 года, когда Бухарест официально присоединился к Тройственному пакту, чему предшествовали переговоры в Риме и Берлине. Так на единой антисоветской основе, уже к концу 1940 года, завершилось оформление военно-политического союза фашистской Румынии и нацистской Германии.

Решив целый ряд политических и военно-стратегических задач, связанных с подготовкой войны против СССР, гитлеровское руководство 5 декабря 1940 года рассмотрело план „Отто“ (первоначальное кодовое название плана войны против Советского Союза). Впервые среди будущих участников войны против СССР были названы Финляндия и Румыния¹⁵. 18 декабря 1940 года Гитлер утвердил план „Барбаросса“, в соответствии с которым верховное главнокомандование вермахта приступило к разворачиванию на границах с СССР колоссальных сил вторжения. В варианте плана подписанного в этот день прямо указывалось: „На флангах нашей операции мы можем рассчитывать на активное участие Румынии и Финляндии в войне против Советской России“¹⁶. Что касается информированности Иона Антонеску относительно этих планов (заметим – напрямую касающихся страны, которой он руководил), то здесь мы имеем свидетельство вышеупомянутого генерала Ганзена, о том,

что кондуктор, по поручению Гитлера, был поставлен им в известность о плане „Барбаросса” в конце декабря 1940 года¹⁷.

Безусловно была и экономическая составляющая решения правительства Иона Антонеску: кроме дезорганизации хозяйственной структуры страны вследствие территориальных потерь лета 1940 года, огромный урон причинило сильное землетрясение ноября того же года, легионерский путч в начале 1941 г. и сильнейшее наводнение весны этого рокового года приведшее к большим человеческим жертвам¹⁸. Несмотря на такие грозные природные предзнаменования Ион Антонеску надеялся решить все проблемы выступив на стороне Гитлера. Румыния мобилизовала самую многочисленную (после немецкой) армию вторжения и Антонеску постоянно подчеркивал, что пошел на союз с Германией, чтобы „вернуть все то, что потерял на границах”.

Всего, к моменту нападения на Советский Союз, Германия и ее союзники – Италия, Румыния, Венгрия, Словакия и Финляндия – сосредоточили вдоль западных советских границ 190 дивизий (в том числе 19 танковых и 14 моторизованных), куда входили 5,5 млн. солдат и офицеров, имеющих на вооружении около 5 тыс. боевых самолетов, 4,3 тыс. танков, более 4,7 тыс. полевых орудий и минометов. В процентном отношении фашистская коалиция мобилизовала против СССР 83 % своих сухопутных войск, в том числе – все моторизованные, 86 % танковых дивизий, 75 % всей артиллерии, около 70 % авиации и т. д. Вся эта масса войск состояла из трех мощных групп армий – „Север”, „Центр” и „Юг”, которые на направлениях главных ударов имели 6–8-кратное превосходство над советскими войсками, насчитывающими на западной границе 2680 тыс. чел. (170 дивизий и 2 бригады). К весне 1941 года, введя свои войска на территорию Болгарии и Румынии, Германия создала благоприятные условия для нападения на СССР и на южном стратегическом направлении. Украина, с ее колоссальными сырьевыми ресурсами и плодородными землями, занимала важное место в планах немецкого командования: здесь должен был быть создан плацдарм для быстрого взятия Москвы и завоевания Ближнего и Среднего Востока – залог мирового господства. Для достижения этих целей немецкое военное командование развернуло на юго-западном направлении группу армий „Юг”, состоящую из 44 дивизий вермахта, 13 дивизий и 13 бригад союзников. Главные силы группы армий „Юг” в составе 1-й танковой группы, 6-й и 17-й немецких армий (всего 34 дивизии) развертывались на львовско-киевском направлении и составили ее ударное ядро. Остальные силы группы армий „Юг” (за исключением 8-го венгерского корпуса) в составе 20 пехотных дивизий и 9 бригад, объединенных в 11-ю немецкую, 3-ю и 4-ю румынские армии (группа армий „Генерал Антонеску”), развертывались на бессарабском направлении. Использование румынских войск определялось планом „Мюнхен”, который был разработан немецким командованием на территории Румынии, однако, как и другие союзники Германии, румыны должны были получить конкретные боевые задания непосредственно только перед самым началом вторжения. Информацию об этом плане румынское руководство получило только в середине июня¹⁹, (видимо отсюда и легенда о том, что Ион Антонеску, якобы „узнал” о готовящейся войне и дал согласие участвовать в ней только 11 июня 1941 года).

Силы вторжения на советско-румынской границе насчитывали более 600 тыс. чел., в т. ч. и румынские войска. Непосредственно на фронте в момент вторжения румынских войск насчитывалось – 358,1 тыс. чел., которые и составляли две полевые армии 3-ю и 4-ю в составе 13 пехотных дивизий, 5 пехотных, 1 моторизованной и 3 кавалерийских бригад. В составе 11-й немецкой армии, которая номинально находилась в подчинении генерала Антонеску (фактическим ее командующим был генерал фон Шоберт) находились три армейских корпуса с 6-ю немецкими и 11-ю румынскими дивизиями и бригадами²⁰.

На Черном море Румыния имела два вспомогательных крейсера, четыре эскадренных миноносца, три миноносца, четыре канонерские лодки, два минных заградителя, 13 тральщиков и одну подводную лодку. Кроме того, она располагала довольно сильной Дунайской флотилией, которая включала в себя 20 речных катеров, 3 плавучие батареи, 7 мониторов, 4 вспомогательных корабля²¹. Согласно плану „Барбаросса“ румынским войскам отводилась более чем скромная роль: защита нефтяных районов от налетов советской авиации, создание плацдармовых укреплений на восточном берегу Прута, по мере продвижения немецких войск вглубь советской территории – организация преследования и уничтожения отступающих советских частей в междуречье Прута и Днестра. Однако трагизм и героизм первых недель войны, упорство и нестигаемое мужество защитников Одессы, – изменили первоначальные планы германского руководства в отношении своих румынских союзников.

От советского командования обстановка требовала принятия неотложных мер по прикрытию государственной границы на фронте от Липкан до устья Дуная и особенно – по усилению группировки наших войск на направлении Яссы – Бельцы. Именно здесь, по оценке командования Одесского военного округа, мог быть нанесен главный удар противника в случае возникновения войны. На основе задач, поставленных в директиве наркома обороны от 6 мая 1941 года, штаб Одесского военного округа разработал „План обороны государственной границы“. Согласно этому плану для войск ОдВО предусматривалось два района прикрытия границы. В правофланговый район протяженностью в 250 км – от Липкан до Унген, назначались 35-й стрелковый корпус в составе трех стрелковых дивизий и двух пограничных отрядов. Оборона района прикрытия от Унген и далее по рекам Прут – Дунай, Черноморскому побережью до Каролино-Бугаза, протяженностью в 280 км, возлагалась на войска 14-го стрелкового корпуса в составе двух дивизий (25-й и 51-й стрелковых) и корпусных частей, а также 9-ю кавалерийскую дивизию, 25-й и 79-й пограничные отряды и Дунайскую речную флотилию. Основной задачей войск прикрытия была оборона государственной границы на назначенных рубежах, что обеспечило бы мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск Одесского военного округа. На восток от Одессы оборона морского побережья возлагалась на 26-й пограничный отряд и части береговой обороны. Территория Крыма являлась отдельным районом прикрытия. Вдоль Днестра располагались два укрепленных района, созданные еще в 30-е годы – Рыбницкий и Тираспольский. В соответствии с директивой Генштаба там проводились работы по инженерному оборудованию местности.

В целом соотношение в живой силе и боевой технике войск Киевского и Одесского округов сравнительно с группой армий „Центр“ было не в пользу последней, однако перед войсками Одесского военного округа была развернута сильная группировка противника, имевшая превосходство в пехоте, артиллерии и танках в 2–3 раза. Противник имел преимущество и в другом. Его отобюроулизованные части, нацеленные для первого удара, были сосредоточены непосредственно у границы. Из наших же войск вблизи границы, на удалении от 6 до 70 км, находились лишь части прикрытия. Остальные подразделения дислоцировались в сотнях километров восточнее Днестра. Для броска к границе, даже самого стремительного, им требовалось время.

Итак, война явно надвигалась и разразиться она могла в любой момент.

С учетом сложившейся ситуации. Военный совет Одесского военного округа 20 июня 1941 года выступил с ходатайством перед Наркомом обороны о создании Южного фронта на базе своего управления с развертыванием на случай войны двух армий, а управление округом уже в мирное время (учитывая обстановку) иметь не в качестве армейского, а как фронтовое. Главный Военный совет согласился с предложениями Военного совета Одесского округа, что воплотилось в решение Политбюро ЦК ВКП (б) от

21 июня 1941 года о создании Южного фронта в составе двух армий с местопребыванием Военного совета в Виннице. Командующим фронтом был назначен генерал армии И. В. Тюленев, с оставлением за ним должности командующего Московским военным округом. Начальнику Генштаба Г. К. Жукову было поручено общее руководство Юго-Западным и Южным фронтами с выездом на место.

Нападение фашистской Германии и ее сателлитов на Советский Союз 22 июня 1941 года явилось одним из наиболее крупномасштабных актов агрессии в истории человеческой цивилизации. Миллионам советских людей, в том числе и одесситам, пришлось взяться за оружие, чтобы отстоять свободу и независимость своего многонационального государства, его территориальную целостность. На алтарь победы над фашизмом были принесены невиданные людские и материальные жертвы. С первых же часов войны территория Украины превратилась в один из важнейших театров военных действий Второй мировой войны и одной из ярких страниц истории ее составной части – Великой Отечественной войны явилась героическая оборона Одессы.

Утром 22 июня 1941 года король Румынии Михай II (уже имевший к тому времени генеральское звание) и руководитель государства – бригадный генерал Ион Антонеску призвали своих сограждан к „священной войне” за освобождение Бессарабии и Северной Буковины²².

Условия формирования структуры обороны региона с самого начала были весьма далеки от идеальных: в состав вновь созданного Южного фронта включались 9-я армия, образованная уже в первые часы войны из войск ОдВо и 18-я армия, создававшаяся в условиях боевых действий из дивизий левого крыла Юго-Западного фронта. В оперативное подчинение Южного фронта поступали также Дунайская военная флотилия, Одесская военно-морская база, погранотряды войск НКВД и Одесский военный округ, располагавший достаточно крупными войсковыми соединениями в Крыму и Днепропетровской области. Однако формирование полевого управления фронтом возлагалось не на Одесский округ, а на штаб Московского военного округа (МВО). Такое решение было явно неудачным. Личный состав штаба МВО не знал театра военных действий и его особенностей, состояния и возможностей войск. Для изучения ситуации требовалось время, поэтому Южный фронт был создан только 25 июня 1941 года. Более того, управлению фронтом нужно было уже в условиях боевой обстановки перебазироваться на новое место и до 26 июня оно еще находилось в движении. Затем пришлось заново налаживать управление войсками, обеспечивать их материально-техническими средствами и т. д. уже в условиях начавшейся войны. Понятно, что успешно решать все перечисленные задачи вновь организованное управление Южного фронта не могло, что отрицательно сказалось на действиях войск фронта в первые дни войны. Так, например, с запозданием развернулось полевое управление 18-й армией – оно начало функционировать только 27 июня и в течение почти двух суток не имело связи с соединениями; мобилизованные ресурсы в войска этой армии поставлялись около недели (вместо 2–3 суток). Две танковые дивизии 9-й армии ввиду не укомплектованности их материальной части и недостатка в горюче – смазочных материалах остались в резерве, что резко снизило боевые возможности армии и т. д.²³

Однако и в такой, в целом неблагоприятной обстановке, ситуация конца июня – первых трех недель июля 1941 г. На Дунайско-Прутском участке театра военных действий выгодно отличалась от положения на других участках огромного советско-германского фронта. Командованию Одесского военного округа удалось буквально за несколько часов до нападения поднять по боевой тревоге и вывести из населенных пунктов штабы и боевые подразделения, обеспечить размещение частей прикрытия в заранее отведенных для этого районах, установить надежную связь с пограничными отрядами.

Таким образом, непосредственно в пограничной полосе ОдВО по боевой тревоге в конце дня 21 июня 1941 года были подняты семь стрелковых, две кавалерийские, две танковые, одна моторизованная дивизия и два укрепленных района.

Уже после этого, во втором часу ночи 22 июня 1941 года в штаб округа поступила телеграмма за подписью Наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова о том, что в течение 22–23 июня возможно нападение немцев в полосах Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов.

Предписывалось в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар и, в то же время, ставилась задача не поддаваться на провокации. А между тем командир Одесской военно-морской базы контр-адмирал Г. В. Жуков сообщал, что в 3 часа 15 минут авиация врага бомбила Севастополь и Очаков. Командир 14-го стрелкового корпуса генерал-майор Д. Г. Егоров докладывал, что в 3.30 в районе Рени противник открыл сильный артиллерийско-минометный огонь и пытается форсировать Дунай.

Командир 35-го стрелкового корпуса генерал-майор И. Ф. Дашичев доложил, что в районе Унгены – Скулены под прикрытием артиллерийского огня враг предпринимает попытки форсировать Прут. Во всех случаях части прикрытия успели занять свои районы и успешно отражали атаки. Авиация противника бомбила Кишинев, Бельцы, Тирасполь и прилегающие аэродромы, однако командующий ВВС округа генерал-майор авиации Ф. Г. Мичугин доложил, что основная часть подчиненной ему авиации перебазирована на оперативные аэродромы и выведена из-под ударов авиации противника, которые наносились с 3.30 до 4.30 22 июня.

Как видим, война начиналась по единому для всей западной границы Советского Союза сценарию, однако в полосе обороны Одесского военного округа части и подразделения, поднятые по тревоге в ночь на 22-е июня 1941 года, она застала на марше к заранее оборудованным позициям, а многие передовые батальоны заняли приграничные окопы еще до начала боев. Удары авиации и артиллерии противника, нацеленные по местам постоянной дислокации войск ОдВО, только вспугнули тишину опустевших казарм и палаточных городков летних лагерей.

Трем армиям агрессора – 11-й немецкой, 3-й и 4-й румынским – прогивостояли войска Южного фронта (9-я и 18-я армии), командующий – генерал армии И. В. Тюленев с задачей обороны государственной границы от Липкан до устья Дуная общей протяженностью 480 км. Численное преимущество противника особенно велико было на Дунайском отрезке длиной в 170 км, который защищали части 14 стрелкового корпуса генерал-майора Д. Г. Егорова. Здесь на один километр границы приходилось примерно пять защитников, против которых действовало до роты противника.

Согласно общей стратегической директиве ОКХ от 31.01.1941 г. 11-я немецкая армия обеспечивала прикрытия „румынской территории от вторжения советских войск, имея в виду жизненно важное значение Румынии для ведения войны“. С первых же минут войны румыно-немецкие соединения предприняли самые энергичные попытки форсировать Прут и Дунай и захватить плацдармы на украинской и молдавской территориях. Однако героизм бойцов и командиров левого крыла Южного фронта позволил не только прочно удерживать государственную границу, но и переходить в контрнаступление с высадкой десанта на вражеской территории, захватом значительных по площади плацдармов в десятки километров, военнопленных, трофеев (впрочем, этот сюжет достаточно неплохо отражен в имеющейся литературе)²⁴. В своих воспоминаниях начальник штаба Дунайского укрепрайона полковник Н. К. Крылов (впоследствии – зам. начальника оперативного отдела штаба Приморской армии), писал: „Насколько я знаю, больше нигде на всем фронте советскому солдату не доводилось в то время ступить на землю врага и хоть ненадолго на ней закрепиться. Батальоны, переправленные моряками

через Дунай, словно напоминали агрессору от имени всей Красной Армии: „Рано или поздно мы придем туда, откуда на нас напали, и кончать войну будем там!"; и далее: „Без стойкой обороны Дуная и Прута, а затем на Днестре, вряд ли удалось бы остановить врага под Одессой“²⁵.

Однако общая обстановка на фронтах складывалась не в пользу советской стороны. Несмотря на мужество и героизм защитников дунайско-прутской пограничной линии, отход левого крыла Юго-Западного фронта вызвал необходимость отступления и правифланговых частей 18-й армии Южного фронта, против которого к началу июля противник сосредоточил до 40 пехотных, 10 моторизованных и 3 танковых дивизий, создав 3–4-кратный перевес в силах. Форсирование 4 и 8 июля Прута и создание на его восточном берегу плацдармов со всей очевидностью говорили о намерении противника расщепить Южный фронт с целью окружения его правого крыла с основной группировкой Юго-Западного фронта и последующим выходом к Днепру, а также окружения советских войск в придунайской зоне с последующим выходом к Одессе, Николаеву и Херсону. В этой связи из войск 14-го стрелкового корпуса, 26-го и 79-го погранотрядов, Одесской военно-морской базы и Дунайской военной флотилии была создана Приморская группа войск во главе с командующим Одесским военным округом генерал-лейтенантом Н. Е. Чибисовым. На Приморскую группу войск возлагалось задание – оборона низовий Прута и Дуная, а также всего черноморского побережья до Николаева. В эти исполненные трагизма и героизма дни защитники Отчизны, воины 18-й армии и Приморской группы войск продолжали прочно удерживать занимаемые рубежи. На всем многоткилометровом участке границы, который они защищали, враг прорвался только в районе Скуден, да и то имея колоссальное превосходство в силах, применив танки и мотопехоту. Однако на оперативную обстановку Южного фронта все большее влияние оказывало резкое ухудшение положения в полосе обороны Юго-Западного фронта. Общая директива Ставки Верховного Главнокомандования предусматривала на 9 июля отведение войск на заранее подготовленные укрепрайоны по линии старой советско-польской границы. Командование Юго-Западного фронта неукоснительно выполнило этот приказ Ставки. Таким образом, к 10 июля противнику удалось продвинуться: на северо-западном направлении до 500 км, на западном – до 600 км, на юго-западном – до 350 км. Враг захватил Прибалтику и Белоруссию, вышел к Смоленску, рвался к Киеву (16 июля была взята Белая Церковь). Советское Верховное Главнокомандование начало отвод войск левого крыла Юго-Западного фронта за Южный Буг, а затем и за Днепр.

16 июля враг занял Кишинев и создал угрозу изоляции Приморской группы войск, которая продолжала героически удерживать рубежи обороны. С целью сохранения живой силы и материальных средств и создания основного оборонительного рубежа по старой границе для удержания Одесского промышленного района, 18 июля 1941 г. директивой командующего войсками Южного фронта его левое крыло к утру 21 июля отводилось на левый берег Днестра²⁶. Согласно директиве предусматривался отход только 9-й армии и Приморской группы войск, которая 19 июля, решением Ставки Верховного Главнокомандования, была переименована в Отдельную Приморскую армию²⁷. 18-й армии приказом вменялось в „прежнем составе продолжать оборонять занимаемый рубеж“. Перед Приморской армией была поставлена задача: во взаимодействии с Черноморским флотом не допустить прорыва противника в направлении Одессы. В этих условиях командир 14-го стрелкового корпуса добился отсрочки отвода своих войск, что, в конечном счете, способствовало выигрышу Приморской армией четырех важнейших для отступления дней. В эти трагические дни (с 19 по 25 июля 1941 г.) бойцами и командирами Приморской армии были показаны образцы беспримерного героизма и самопожертвования, и только утром 26 июля

советские части оставили западный берег Каролино-Бугазской переправы Днестровского лимана.

Успехи первого месяца обороны на левом фланге Южного фронта объективно порождали у защитников Одесского направления уверенность в собственных силах. Полковник Крылов так выразил общее настроение тех дней: „...еще очень верилось, что удастся стабилизировать фронт на Днестре до тех пор, пока мы соберемся с силами, чтобы отбросить врага назад“. Командующий Приморской армией генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов указывал командирам вверенных ему частей на необходимость „внушить всем, что оборона по р. Днестр такая, через которую противник не должен пройти. Оборона временная, и мы должны выискивать момент для перехода в наступление...“²⁸. Планируя наступательные действия, немецкое командование также исходило из постулата о неприступности Днестровского рубежа. Так, еще 17 марта 1941 г. Ф. Гальдер записал слова Гитлера о том, что реки Прут и Днестр – это такие препоны, которые задержат любое наступление²⁹. Кроме того, следует учитывать и тот общий настрой на скорую победу в случае нападения, который витал в советском общественном сознании накануне войны, а с ее началом – трансформировался в ожидание скорого перелома в ходе боевых действий и перехода Красной Армии в решительное и победоносное наступление.

Тем временем общая обстановка на советско-германском фронте катастрофически быстро ухудшалась. К концу июля противник добился крупных успехов и продолжал развивать успешное наступление на стратегических направлениях. Создалась угроза прорыва к Ленинграду, развернулось Смоленское сражение, началась героическая, полная трагизма, оборона столицы Украины – Киева. В связи с этим в полосе обороны Юго-Западного фронта Ставка Верховного Командования объединила 6-ю и 12-ю армии в т. н. „группу Понеделина“ и до 25 июля передала их в состав Южного фронта. К этому времени линия обороны „группы Понеделина“ и 18-й армии представляла собой огромную дугу, загнутую с севера и юга. Ее крайний левый фланг защищали части 9-й и Приморской армий, причем полоса обороны последней представилась командованию настолько благополучной, что было принято решение, расформировав 14-й корпус, 150-ю стрелковую дивизию из его состава перевести в г. Котовск в распоряжение 9-й армии. В составе Приморской армии оставались всего лишь две стрелковые дивизии: 51-я Перекопская и 25-я Чапаевская. Тем временем противник, развивая стратегическое наступление, 26 июля нанес удары по наиболее слабым участкам Юго-Западного и Южного фронтов в направлении: 1. Белая Церковь – Канев; 2. Гайсин – Умань. 3. Вапнярка – Кодыма – Первомайск. 72-я немецкая дивизия, использовав опыт прорыва на Пруте, форсировала Днестр и создала плацдарм на его левом берегу в районе севернее Григориополя, т. е. на стыке 9-й и Приморской армий. Противник стремился с ходу разъединить советские армии и захватить Одессу и Николаев. Положение серьезно усугублялось прорывом из района Бердичева в общем направлении на Умань – Первомайск – Вознесенск 1-й танковой группы фон Клейста с ее выходом к Новоархангельску (75 км севернее Первомайска) уже 30 июля.

В этих условиях задача обороны Одессы, крупнейшего экономического и культурного центра, первоклассного порта (второго по величине в Советском Союзе) и одной из важнейших баз Черноморского флота, объективно приобретала первостепенное значение в ходе оборонительных сражений Великой Отечественной войны. Учитывая оперативно-стратегическое, экономическое и политическое значение города, советское командование прилагает большие усилия для организации обороны Одессы. Еще 12 июля 1941 г. командующий Южным фронтом генерал армии И. В. Тюленев отдал приказ о строительстве оборонительных сооружений по трем основным рубежам обороны – в 60, 40 и 20–25 км от города. Наряду с инженерными

войсками, к этим работам очень широко привлекалось и местное население. К началу августа усилиями более чем 100 тыс. одесситов были возведены противотанковые рвы, надолбы, сотни дотов и дзотов. 50 тыс. рабочих промышленных предприятий города (17 тыс. из которых были мобилизованы уже во время войны) выпускали военную продукцию, трудились на оборону. В городе началось формирование истребительных батальонов, в которых уже к концу июня 1941 г. насчитывалось 2027 чел. В короткий срок было подготовлено 2 тыс. медсестер и 1,5 тыс. сандружинниц.

В этой связи своеобразным признанием усилий командования Приморской армии. Одесской Военно-морской базы, партийно-хозяйственного актива города в деле организации его обороны, является запись, сделанная начальником Генштаба германских сухопутных войск Ф. Гальдером в своем дневнике 30 июля 1941 года: „Следует ожидать попытки противника удержать район Одессы... Одесса может стать русским Тобруком“. Вместе с тем, в условиях уже наметившегося провала планов молниеносной войны, немецкое командование усиливает внимание к южному флангу советско-германского фронта. Гитлера все больше привлекала идея оккупации еще до осени богатых сельскохозяйственных районов юга Украины, Донбасса, Крыма, Кавказа. Большое внимание уделялось захвату Одессы: 18 июля 1941 г. Ф. Гальдер делает запись в своем „Дневнике“ о том, что фюрер „...выделил для этого, наряду с румынскими дивизиями, 54-й немецкий армейский корпус“, но по настоянию И. Антонеску передал осуществление этой операции румынскому командованию³⁰.

В Румынии прекрасно понимали, что тот, кто владеет Одессой, контролирует всю северо-западную акваторию Черноморского бассейна. С другой стороны, в условиях начального этапа войны исключительное оперативно-стратегическое и политическое значение Одессы постоянно возрастало. Только полное овладение одесским плацдармом позволило бы захватчикам окончательно закрепить свои территориальные приобретения на юге Украины, обеспечить надежное снабжение наступающих частей, поднять престиж немецко-румынских войск на этом участке фронта. После прорыва на Днестре, Гитлер направил Антонеску письмо, в котором поздравлял его с „возвращением провинций“ и благодарил за решение воевать „до конца на стороне Германии“. В ответном письме от 30 июля И. Антонеску еще раз подтвердил свое обещание „сражаться вместе с германской армией до победного конца“. Под шум победных реляций с фронта и истерические заявления шовинистически настроенной прессы Румынии, 3-я и 4-я румынские армии были брошены от Днестра на восток: 3-я армия – в сторону Ю. Буга, 4-я (вместе с частями 11-й немецкой армии) в составе 17-ти пехотных, 3-х кавалерийских дивизий и одной фортификационной бригады – на Одессу.

Говоря о причинах неудач и отступления советских войск в те трагические дни и ночи конца июля – начала августа 1941 г., исследователи в последнее время зачастую концентрируют внимание на причинах субъективного порядка. Не отрицая того факта, что руководство как Южного фронта, так и всего Юго-Западного направления свое слабое владение обстановкой зачастую компенсировало категоричностью приказов, необходимо признать, что командование Приморской армии в меньшей степени заслуживает подобных обвинений. С другой стороны, именно эта армия, которая с начала августа реально могла рассчитывать лишь на собственные силы да ресурсы города, который она призвана была защитить, показала образцы блестящей самоотверженности со стороны бойцов и командиров частей и умелого руководства со стороны ее командного состава. Положение осложнялось еще и тем, что 30-я стрелковая дивизия, которая должна была держать линию обороны на восточном фланге Приморской армии, оказалась отрезанной танковыми группировками противника, рвущимися к Николаеву, и вынуждена была отступать к Ю. Бугу вместе с частями 9-й армии Южного фронта. В образовавшуюся таким образом брешь шириной примерно в

50 км, устремились части 72-й немецкой пехотной дивизии и румынской кавалерийской бригады в полосе Березовка – Сербка. Для ликвидации разрыва была спешно сформирована сводная группа войск под командованием комбрига С. Ф. Монахова. В группу вошли: 1-й полк морской пехоты под командованием майора В. П. Морозова, 26-й полк НКВД погранвойск во главе с майором А. А. Маловским, резерв армии – 54-й (Разинский) стрелковый полк 25-й Чапаевской дивизии полковника И. И. Свидницкого. Прорыв был ликвидирован частями 1-й кавдивизии, выведенной из резерва командования Приморской армии.

Таким образом, Приморская армия, силами которой предстояло защищать Одессу, состояла из трех дивизий (25-й и 95-й стрелковых и 1-й кавалерийской). Кроме того, в силы обороны входили: 136-й запасной стрелковый полк, 26-й сводный пограничный полк НКВД, 15-я бригада ПВО, 47-й понтонный батальон, 82-й укрепрайон с дислокацией пулеметных батальонов и т. д. Ополчение и истребительные батальоны с началом обороны сыграют роль основного резерва для сухопутных войск. Кроме того, Одесской военно-морской базой были сформированы 1-й и 2-й полки морской пехоты. Сама база, кроме плавсостава, включала Очаковский морской сектор, зенитно-артиллерийский полк и эскадрилью морской авиации³¹. Корабельный отряд огневой поддержки (около 30 стволов) окажет серьезную помощь полевой артиллерии, насчитывавшей к началу обороны 303 орудия. На флангах Приморскую армию прикрывали пять стационарных и шесть подвижных батарей береговой обороны с 35-ю орудиями калибром от 122 до 203 мм. В условиях полного отсутствия бронетанковой техники артиллерия являлась главной огневой силой Приморской армии, и базой ее огневой мощи был легендарный 265-й полк тяжелой артиллерии (за голову его командира – майора Богданова – румынское командование позже назначит награду в 50 тыс. лей). Большую и неопределимую роль в деле прикрытия обороняющихся войск и мирного населения Одессы с воздуха во взаимодействии с зенитной артиллерией сыграют летчики славного 69-го истребительного авиаполка.

Итак, к началу августа 1941 года, в ходе упорных, кровопролитных боев, пытаясь как можно скорее ликвидировать возможные, катастрофические для Одессы, последствия вражеского прорыва, в условиях организационной неразберихи и отсутствия четкого взаимодействия частей и соединений, Приморская армия стремительно разворачивалась своим правым флангом к северу. Левый ее фланг по-прежнему прочно продолжал удерживать оборону по линии от Каролино-Бугаза вдоль берега Днестровского лимана и далее – на север по Днестру. Называя факторы, способствовавшие успеху обороны Одессы, нельзя не отметить подвиг бойцов и командиров 6-й и 12-й армий, вошедших в состав Южного фронта, которые, оказавшись в окружении и истекая кровью, продолжали и в первых числах августа сковывать до 22-х вражеских дивизий.

4 августа 1941 г. командованием Юго-Западного направления и Военным советом Черноморского флота Ставке и Наркому ВМФ соответственно был изложен план обороны Одессы. В этот же день последовал приказ Наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова, согласованный с Генштабом РККА, в котором командованию Одесской военно-морской базы предлагалось „детально разработать вопросы взаимодействия... с сухопутным командованием“. 5 августа 1941 г. последовала директива Ставки Верховного Командования, содержащая категорическое требование: „Одессу не сдавать и оборонять до последней возможности, привлекая к делу Черноморский флот“³².

Начиналась героическая 73-х дневная оборона Одессы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: *Серафима*, игуменья. Молитва за Победу: Церковь в Великой Отечественной войне / Киевская Митрополия УПЦ. - К., 2006. - С. 107.
2. Одесский Краснознаменный. - Кишинев, 1985. - С. 49.
3. *Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О.* Война 1941-1945: Факты и документы. - М., 2001. - С. 15.
4. Год кризиса. 1938-1939: Документы и материалы. В 2-х тт. - Т. 2. - М., 1990. - С. 294.
5. *Шнеер А.* Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности. - М., 2005. - С. 210-211, 326.
6. *Гакман С. М.* Приєднання Бессарабії та північної частини Буковини до СРСР: військові аспекти // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірн. наук. праць. - Вип. 96-97. Історія. - Чернівці, 2000. - С. 76, 77-78.
7. Там само. - С. 79.
8. Через несколько дней королевским декретом дивизионный генерал И. Антонеску, задним числом - с 1 июля 1940 года, стал считаться корпусным генералом. - См.: *Левит И. Э.* Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация (1. IX 1939 - 19. XI 1942). - Кишинев, 1981. - С. 107.
9. *Кальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939-1942 гг. - Т. 2. - М., 1969. - С. 149.
10. Там же. - С. 151-152.
11. *Левит И. Э.* Указ. соч. - С. 111.
12. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. - Т. 2. - М., 1958. - С. 603.
13. См.: Внешняя политика СССР. Сб. документов. - Т. 4. - М., 1946. - С. 530.
14. Этот момент, с оценкой его В. Молотовым, изложен в кн.: *Карпов В.* Генералиссимус. В 2-х тт. - Т. 1. - М., 2005. - С. 269.
15. См.: „Совершенно секретно! Только для командования!“. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Докум. и материалы. - М., 1967. - С. 147 (данные из дневника Ф. Гальдера).
16. Нюрнбергский процесс... - Т. 2. - С. 560.
17. *Hillgruber A.* Hitler, Konig Carol und Marschall Antonescu. Die deutsch-rumanischen Beziehungen 1938-1944. - 2-te Auflage. - Wiesbaden, 1965. - S. VIII.
18. См.: *Spâni A.* Economia României după primele luni de război // Dosarele Istoriei. - 2001. - An. VI, nr. 7(59). - P. 27.
19. История второй мировой войны 1939-1945: В 12-ти тт. / Под ред. А. А. Гречко, Г. А. Арбатова, В. А. Виноградова. - Т. 4. - М., 1975. - С. 23.
20. *Мюллер-Гиллебрандт Б.* Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. - М., 2003. - С. 274.
21. История второй мировой войны 1939-1945: В 12-ти тт. - Т. 4. - С. 13.
22. *Русак А. В.* Румунія у Другій світовій війні - від сателіта гітлерівської Німеччини до союзника антифашистської коаліції (1941-1945 рр.) // Вісник Київського національного університету ім. Тараса Шевченка: Збірн. наук. праць. - Вип. 50. Історія. - Київ, 2002. - С. 67.
23. Вероятно, наиболее целесообразным было бы сформировать управление Южного фронта на базе аппарата Одесского военного округа, усилив его основные звенья наиболее подготовленными офицерами Московского военного округа.
24. *Синенко В.* Операция „Килия-Веке“. - М., 1975. - С. 82-95.
25. *Крылов Н. И.* Не померкнет никогда. - 2-е изд. - М., 1984. - С. 16, 17.
26. Лето 1941. Украина: Документы и материалы. Хроника событий. - К., 1941. - С. 287, 295.

27. 73 героических дня: Хроника обороны Одессы в 1941 году. - 3-е изд. - Одесса, 1988. - С. 15.
28. Крылов Н. И. Указ. соч. - С. 26.
29. Гальдер Ф. Военный дневник в 3-х тт. - Т. 2. - М., 1989. - С. 409.
30. Там же. - Т. 3. - Кн. 1. - С. 152, 294.
31. Великая Отечественная война. 1941-1945: Энциклопедия. - М., 1985. - С. 154.
32. Лето 1941, Украина. - С. 352.